

Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь.

*Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский,
апостол Сибири и Аляски*

(из письма графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому)

Николай Николаевич Муравьев-Амурский — 11 (23 по старому стилю) августа 1809 — 18 (30 по старому стилю) ноября 1881 — российский государственный деятель, его императорского величества государя императора и самодержца всея России Александра Николаевича генерал-адъютант, Енисейский губернатор и генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861), одиннадцати высших российских орденов кавалер, граф.

Муравьев-Амурский, при жизни величаемый Петром Великим Восточной Сибири, — отец родной служивому люду, кроткому, совестливому, мудрому, положившему судьбу на алтарь Отчезества, Небесного и земного; но гордецам, сребролюбцам, мздоимцам, казнокрадам, льстецам, хитрецам и ленивцам — сибирский деспот, подобие царя Иоанна Грозного.

Иоанн Грозный создал государство Российское, а Муравьев-Амурский без единого выстрела, путем мудрёных переговоров с Дайцинской державой прирастил к России Дальний Восток с Амуром и выходом в Тихий океан. Истинно, по завету Ломоносова: «Российское могущество будет прирастать Сибирью...», а Дальний Восток о ту пору входил в Восточно-Сибирскую губернию.

И до восточно-сибирского губернаторства Николай Муравьев уже обрёл в России добрую славу. «...Был губернатором в Туле, воевал на Кавказе, дока в поли-

цейских делах и просил при этом освобождения крестьян... представил на высочайшее имя записку о способах покорения горцев... Принял меры по сохранению лесов, предлагал разработку каменных углей в качестве топлива вместо дров...» — писал известный советский романист Николай Задорнов.

Военачальник, государственный деятель, кавалер одиннадцати высших орденов государства Российского, в девятнадцать лет — блестящий офицер, что до блесно сражался в Русско-турецкой и кавказской войнах; в тридцать два года — генерал-майор; в тридцать семь — военный и гражданский губернатор Тульской губернии, где хлопочет перед царём о свободе крепостных крестьян; в тридцать восемь — генерал-губернатор сибирских земель, благодаря коему Российская империя приросла Дальним Востоком.

Гуляя по ангарской набережной, пристально вглядываюсь в Белый дом — архитектурное произведение в стиле классицизма, задуманное на берегах Невы и, по преданию, с помощью архитектора Джакомо Кваренги, который проектировал здание Смольного института в Санкт-Петербурге. Любуюсь белоснежным особняком купцов Сибиряковых, воистину вельможным, генерал-губернаторским, где долго помещалась Фундаментальная библиотека Иркутского государственного университета, проходя по высоким залам, где в юности писал экзаменационное сочинение, потом читал древнерусские летописи и, отвлекаясь от ветхих рукописей, дивился: из сих апартаментов граф Николай Муравьёв правил губернией, вмещающей европейские царства-государства!

Назначение Муравьёва генерал-губернатором Восточной Сибири породило светские пересуды и даже зависть: «Тридцать восемь лет, а ему дали полцарства — от Оби до Тихого океана!» По преданию, в избе старосты села Сергиевское император предложил Муравьёву налить две рюмки водки и, подняв свою, произнёс: «Поздравляю тебя, генерал! Отныне ты — губернатор Восточной Сибири. Край громадный, забот там непочатый край...»

Перед отъездом в Иркутск Муравьёв внушал царю: «Амур должен стать стратегическим каналом для защиты Дальнего Востока».

Сурово, но праведно властвовал губернатор Муравьёв... Нагоняя страх на лихоимцев и мздоимцев, поминая казнённого декабриста Муравьёва-Апостола, «сибирский деспот» пригрозил: «Я не из тех Муравьёвых, которых вешали. В случае чего, сам буду вешать!» И затеял борьбу против махинаций золотопромышленников; а борьба была опасна — преступная цепочка вела в Петербург. Рискованно было браниться и с откупам — шею свернут, ибо злоупотребления вошли в плоть и кровь лукавых дельцов, обывкших покрывать воровство щедрыми взятками. Но «деспот»... не из робкого десятка... взятки не брал и чиновников, заподозренных во взятках, жестоко карал. Отказавшись от «благ», коими не брезговали предшественники, Муравьёв служил от темна до темна, а жил просто: выпив чаю с ромом и закусив сухарем, гулял по Иркутску в простой шинели, без охраны, навещал присутственные места, рынки и магазины, беседовал с купцами.

Среди иркутских купцов чтит боголюбцов и благодетелей, радением коих звонили колокола в спасительных храмах и жили не тужили странноприимные, сиропитательные дома, рос и хорошел град Иркутский. Но, увы, увы, случается, в русской душе разом уживаются и благочестивец, и нечестивец, спасаемый покаянием.

Един Бог без греха, и украшать святым нимбом голову царского вельможи грешно — и гневлив бывал, и жесток в наказаниях, и, тем не менее, доброже-

латели Муравьёва говаривали: мол, сей государев муж... стоит целого Комитета министров; воистину Пётр Великий Восточной Сибири; но царь Пётр ... по мне так и не великий... был самодержец, сам себе голова, Муравьёв же четырнадцать лет жил и служил меж молотом и наковальней: из Петербурга — суровые указы, в Иркутске — ярое сопротивление купцов-лихоимцев и чиновников-мздоимцев. Без малого пятнадцать лет восточно-сибирский губернатор воевал с расхитителями казны; по вверенному его попечению краю прокатилась волна судебных разбирательств по делам лихих золотопромышленников. Муравьёв воздвиг заслон утечке намытого золота в Китай, и ратовал за создание единой государственной золотодобывающей компании, что обозлило не токмо иркутских чиновников, но и столичных сановников, привыкших к «сибирской мзде». Предание военному суду, заключение в острог, запрещение вести торговлю, негласный полицейский надзор испытали на своей шкуре мироеды, подобные купцам Кандинским, у коих в должниках-рабах ходило пол-Сибири.

Добрая молва шла о *грозном* губернаторе: Николай Николаевич Муравьёв «всегда и во всем стоит за бедного и слабого против сильного». В муравьёвскую эпоху процветал град Иркутский: родился Сибирский отдел Императорского Русского географического общества — подлинный научный центр Сибири; открылись театры, газеты, школы, где «маленьких ребятишек всех без исключения стали учить грамоте». Публичные лекции, воскресные школы, литературные вечера, приглашение артистов из Центральной России — всё сие, не виданное ранее, происходило попечением губернатора. Стоял Муравьёв и у истоков либеральной сибирской печати, от которой в будущем изрядно пострадал.

Муравьёв искал товарищей с имперскими замыслами, воплощение коих — рассвет земли Сибирской; и когда флотский офицер Геннадий Невельской поразмыслил об исследовании устья Амура, дабы завладеть амурским лиманом и открыть России ворота в Тихий океан, Николай Николаевич радостно согласился и вообразил, какую мощь обретёт Царство Русское, овладев судоходным Амуром, освоив и обжив Дальний Восток. Губернатор пишет царю челобитную: *«Время не ждет, Ваше Величество! Иностранные державы могут опередить нас: Россия должна восстановить свое присутствие на Дальнем Востоке»*.

Всесветно славленный землепроходец Ерофей Хабаров с казаками в 1649–1653 годах ходил в Приамурье и составил «чертеж реке Амуру». Ватага хабаровских казаков основала острожную крепость Албазин, но, обнаружив в Приамурье оседлых русских, и маньчжур позарились на вольные земли. Долго герои-казаки обороняли Албазин, но, не получив подкрепления, не могли одолеть маньчжур, во много крат превосходящих числом. После затяжных переговоров русские ушли из Приамурья, а маньчжур на радостях смели с лица дальневосточной земли крепость Албазин.

По Нерчинскому трактату 1689 года русским воспрещалось плавать по Амуру. Пользуясь отсутствием в Охотском море российского флота, англичане и французы наводнили его своими судами, добывая рыбу, котиков, китов, сбывая в Китае наркотики, отчего Поднебесную захлестнула адская наркомания.

Через двести лет, благодаря губернатору Муравьёву, Россия и Китай изменили условия Нерчинского трактата и в 1858 году подписали судьбоносный для Российской империи Айгунский договор, закрепивший восточные рубежи России, даровавший земель в 600 000 квадратных километров. Отныне и довеку Амур и Приамурье, Приморье с прибрежными водами, вкуче с частями Якутии, Читинской и Магаданской областей стали русскими.

В народе говаривали: глаза завидуши, руки загребуши — се про Европу речено. Николай Муравьёв вырвал Приамурье и Приморье из рук лукавой Британии, похотливой Франции и разбойной Америки, что алчно взирали на богатые дальневосточные земли; сибирский губернатор оказался быстрее и мощнее «британского льва». Не к ночи будут помянуты, европейские страны, особо *туманный* Альбион, морским путём ввозили в Китай наркотики, и китайцев охватило наркотическое безумие; а когда богдыхан Дайцинской империи затеял борьбу с наркоманией, Европа пригрозила вторжением в Китай и свержением императора. Посему горемычный правитель, чтобы спрятаться за спиной России, вынужден был подписать невыгодный для его империи Ойгунский договор.

«Главной мыслию нашего правительства, — убеждал Муравьёв пекинское правительство, — есть сохранение мира для обоюдных польз двух великих соседственных держав Дайцинской и Российской на вечные времена». За безжертвенное обретение государством Российским земель Амурского края государь Александр II пожаловал Николаю Муравьёву титул графа Российской Империи и почётное прибавление к фамилии — *Амурский*.

Обретение Приамурья свершилось благодаря походам служивого люда под командой адмирала флота Геннадия Ивановича Невельского с целью изучения военного укрепления устья Амура и проведения сплавов по великой восточной реке. «Сделанные Невельским открытия, — писал Николай Муравьёв, — неопределимы для России*. Это заставляет нас безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или оно с юга должно быть занято другими». Завладев амурским лиманом, Россия, словно великий русский корабль, вышла в Тихий океан.

Тремя сплавами** руководил сам Муравьёв-Амурский: подыскивал выносливых и сноровистых сплавщиков, налаживал дружную и чёткую работу, всё решал быстро, без ненавистной ему чиновничьей волокиты. По воспоминаниям очевидцев, генерал-губернатор дивил служивый и работный люд братолюбием, добротой, праведным судом с прощением либо правожом, а трудолюбием и выносливостью обладал воистину под стать казакам-первопроходцам. Сибирские крестьяне, забайкальские, амурские казаки сложили легенды о простонародности сибирского губернатора. «Каждый день генерал вставал чуть свет... Ложился спать позже всех... Носил серую армейскую суконную шинель... Ел солдатские щи и кашу с ржаными сухарями... Не терпел почестей. Всегда замечал и благодарил всех за исправную службу, отстраняя нерадивых и нечестных чиновников. <...> Все Забайкалье ожило. Всем нашлась работа и служба; жизнь совершенно изменилась», — с земным поклоном, письменно поминал «сибирского деспота» амурский казак Кирик Богданов, служивший при генерал-губернаторе.

В ходе освоения Приамурья и Приморья русские воздвигли крепости — грядущие города-форпосты России на Дальнем Востоке: Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. Его сиятельство граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский не только возвратил России Приамурье и Приморье, но и потрудился над заселением и освоением восточных земель пашенным крестьянством, коим ещё до отмены крепостного права самочинно посулил вольную волю. В проекте правил для пере-

* Не случайно в будущем родилась идея создать в Хабаровске скульптурную композицию, как в Москве Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому: посадить графа Николая Муравьёва-Амурского, а рядом поставить адмирала Геннадия Невельского, чем и уравнивать их великие заслуги в русском обретении Приамурья.

** Сплав — переселение, движение народа на вольные земли, чтобы занять и освоить их. И не гряда брёвен — флотилия из пароходов, барж, плотов, вместительных лодок вытянулась по реке на несколько вёрст и волокла переселенцев, скарб, строительные материалы, домашний скот, зерно для посева, муку.

селения в Амурский край требовал, чтобы «зашедшие в эти области крепостные люди становились свободными». В Петербурге всполошились придворные сановники, воспротивились своеволию сибирского губернатора, но тому всё же удалось освободить от крепостного ярма двенадцать тысяч горнозаводских крестьян Забайкалья. Но ещё будучи губернатором Тульской губернии, принародно ратовал за освобождении крестьян от рабства, создал проект освобождения сельского люда, где утверждал: «крепостное состояние, постыдное и унижительное для человечества, не должно существовать в России, ставшей в один ряд с европейскими государствами...» Царь Николай I, ознакомившись с идеями молодого тульского губернатора, подивился: «Не боится... Экий он либерал и демократ».

* * *

Время его губернаторства летописцы величали «муравьевской эрой», «муравьевским веком на Амуре». «Небольшого роста, нервный, подвижный, — писал о Муравьеве русский классический писатель Иван Гончаров, — ни усталого взгляда, ни вялого движения... Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, борющаяся с препятствиями!» Воистину, и обличкой, и привычкой — вылитый Суворов.

Николай Муравьев-Амурский изрядно потрудился и на ниве утверждения православного христианства в землях восточно-сибирских, будучи сподвижником святителя Иннокентия, апостола Сибири и Аляски, митрополита Московского и Коломенского. Не случайно святой Иннокентий, оберегая товарища от грешного унынья, писал Николаю Николаевичу: «Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь».

Деятельность православного миссионера, грядущего святителя Иннокентия Московского, высоко оценивал академик А.П. Окладников, даже, очевидно, по безбожным временам будучи далёким от Церкви: «Было бы несправедливо, говоря о Вениаминове, умолчать об его участии в освоении Амура и Приморья в 50-е гг. XIX в., об этом огромном по своему историческому значению мероприятии, в результате которого была восстановлена историческая справедливость... Он являлся одним из ближайших сподвижников Н.Н. Муравьева-Амурского и Г.И. Невельского в этом государственном важном деле... Вениаминов не только остро чувствовал политическую ситуацию того времени, когда уже шла ожесточенная борьба капиталистических держав на Дальнем Востоке, но и смотрел далеко вперед». Архиепископ Иннокентий писал: «Лишь только мы оставим Амур, то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими: они как раз и покажут место за горами (лежащими вдалеке от берегов Амура)».

В 1856 году граф Муравьев-Амурский почувал, что взошедший на трон император Александр II в отличие от Николая I не вполне доверяет ему, и задумал подать в отставку. Не поколебали его намерения даже и рескрипты Его Величества и великого князя Константина Николаевича. В большом письме император Александр II, отдохавший в Палермо, убеждал Муравьева-Амурского оставаться на генерал-губернаторском посту, ибо «было бы истинным несчастьем для Восточной Сибири, и я весьма прошу вас, для пользы России и собственной вашей славы, отбросить всякую мысль о возможности оставить Сибирь». А великий князь,

проводивший время в Ницце, обратился к Николаю Николаевичу с просьбой: «Оставайтесь в Амурском крае, любезный граф, как можно долее, и да укрепит вас Провидение на новые подвиги, хотя бы сопряженные с новой борьбой. На вас смотрит и Европа, и Америка, и все истинные русские люди признательны вам». Вторую челобитную Муравьева-Амурского об отставке царь подписал, и в начале 1861 года Николай Николаевич покинул Восточную Сибирь. И упокоил Господь душу усопшего раба Божиего Николая в Париже на монмартрском погосте...

* * *

После смерти Муравьева графа Амурского его великие заслуги перед Отечеством либеральные «властители дум» предали забвению — скорбел о крепостной крестьянской доле, ратовал о мужичьей воле и слишком круто расправлялся с чиновным ворьём и купеческим жульём, что строчили челобитные вельможным покровителям. Верно, жалуется царь, да не жалуется псарь...

Николай Николаевич писал брату: «Бог не дал мне возможности заслужить внимание моих современников, и я не рассчитываю на внимание потомков. Слава Богу, что меня не называют изменником...»

Действительный член Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, член-корреспондент Императорского общества Любителей Древней Письменности Иван Барсуков создал двухтомный исторический труд «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский», впервые напечатанный в 1891 году в Москве в Синодальной типографии. Вершат сочинение слова Ивана Барсукова: «Скажем одно: всякий беспристрастный читатель сумеет оценить по достоинству Муравьева, а праведный суд истории произнесет над ним окончательный приговор свой».

Не благодаря, а вопреки забывчивой царской власти, вопреки обиженным купцам и чиновникам, памятливые потомки всё же увековечили образ русского героя; на исходе девятнадцатого столетия на Амурском утёсе города Хабаровска, который хабаровчане о ту пору величали Муравьевским, взметнулся памятник генерал-губернатору Восточной Сибири — произведение знаменитого скульптора А.М. Опекушина, — торжественно открытый во время посещения Хабаровска наследником Российского престола, будущим императором Николаем II. Напомним потомкам: деньги на сей монумент собирали всем миром; в конкурсе участвовали всемирно знаменитые русские скульпторы Опекушин, Микешин, Антокольский, где Опекушин и победил.

А Иркутск расщедрился лишь на барельеф всесветно славленному иркутскому губернатору, что смутно виден на постаменте памятника Александру III, а ведь иркутяне уже и на исходе девятнадцатого века могли бы удостоить русского героя величественной скульптурой, помятуя о его праведных деяниях во славу Восточной Сибири и губернского града Иркутского.

* * *

В октябре 1891 года известный общественный деятель Приамурья Михаил Иванович Венюков совестил хабаровчан: «Господа! Вы можете исходить все Монмартрское кладбище и не найти там могилы Муравьева... Так знайте, что у великого русского человека, умершего в чужой земле, и могила чужая, а своей

нет! Чтобы найти ее, придется вам остановиться перед скромной, хотя и толстой, надгробной плитой семейства Ришмон, порыться в металлических венках, ее прикрывающих, и найти в одном углу неразделенного камня французскую надпись: «Николай Муравьев граф Амурский».

Пристыженные дальневосточники вознамерились перенести прах иркутского губернатора на родину и предать владивостокской земле, но помешала Русско-японская война. В 1908 году попечением купцов, заботами и хлопотами чиновников из Хабаровска, Владивостока и Никольск-Уссурийского останки графа Амурского были перенесены в отдельную могилу на том же парижском кладбище, и на серебряном венке, украшающем каменное надгробие, высекали поклонные слова: «Города Приморской области: Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский — графу Муравьеву-Амурскому. 1858–1908».

Возлюбив Петра I, средневекового большевика, советская власть не поклонилась великому сыну России; Иркутск не увековечил память великого соотечественника даже памятной доской на Белом доме, откуда губернаторы правили Восточной Сибирью. Я, правда, по темноте своей думал, что улица Амурская (потом Ленина) — в память о графе Муравьеве-Амурском, но увы, увы, современники величавого губернатора поименовали улицу Амурской в честь российского обретения и освоения Приморья и Приамурья с батюшкой Амуром. Да, благодаря служивому люду, казачеству и крестьянству свершилось имперское деяние, но лишь потому, что правил государевым кораблём мудрый кормчий, духовно окормляемый святителем Иннокентием, апостолом Сибири и Америки, митрополитом Московским, уроженцем, напомним, села Анги, что к северу от Иркутска. Без духовного и мирского пастыря народ — беспризорное стадо глупых и порочных овец, сломя голову скачущее в бездну. Хотя, думаю, добропамятливые потомки всё же сознавали: улица Амурская посвящена не токмо великому российскому деянию, но и великому её устройтелю, его сиятельству графу Муравьеву-Амурскому. К сему триумфальная арка, именованная «Амурские ворота», все же посвящалась славному губернатору.

А за графской могилой, что сиротливо уместилась на французской земле, ухаживал член Собрания морских офицеров Н.П. Остелецкий, но по его кончине могила оказалась беспризорной — прямых потомков у Муравьева не осталось. Власти затеяли реконструкцию кладбища Монмартр, а посему в конце восьмидесятых повысилась аренда кладбищенской земли. Потомки де Ришмон отказались платить за землю, где упокоился граф, о чём, слава Богу, и оповестили посольство Советского Союза.

Советский атташе не подмахнул долгосрочный договор аренды, и неоплаченная могила героя России могла исчезнуть с лица земли... О сем вывели в далёком Приморье, и 27 декабря 1990 года, после трёх лет переписки с российским посольством в Париже, с посольством Франции в Москве, прах Николая Николаевича Муравьева-Амурского и серебряный венок были доставлены с кладбища Монмартр во Владивосток. Саркофаг установили в Доме офицеров флота, где совершилась заупокойная литургия.

Очевидцы вспоминали: «Траурная процессия заполнила главную улицу Владивостока. Саркофаг с прахом генерал-губернатора был установлен на лафете гаубицы. У гроба в почётном карауле застыли военные моряки и казаки. Бронетранспортёр медленно тронулся. Город провожал Муравьева-Амурского к месту последнего упокоения. Казаки и военные моряки несли вслед за лафетом флаги —

России и Андреевский. Великому гражданину России воздавались самые высокие воинские почести... Всё было торжественно и печально, было море цветов и венков...» О том, чтобы прах Муравьёва-Амурского предать земле в городе Владивостоке, им основанном, русские помышляли в конце XIX века и в начале XX, но лишь на исходе минувшего века помысел...или промысл Божий... сбылся: прах героя под грохот корабельных багарей Тихоокеанского флота был предан земле на высоком яру, где взору открывается бухта Золотой Рог.

Выше уже помянуто, что на закате девятнадцатого столетия на Амурском... в породе, Муравьёвском... утесе явился хабаровчанам величавый памятник генерал-губернатору Восточной Сибири в исполнении талантливому скульптору Александру Опекушину, празднично открытый во дни посещения Хабаровска будущим царем Николаем II. Но недолго восхищал хабаровчан дивный памятник: рухнула православно-самодержавная власть, изъеденная революционной саранчой, и от кровавых рук дьяволопоклонников обрёл мученический венец русский самодержец, помазанник Божий; а уж потом соратник Троцкого и Ленина, ярый большевик, мечтавший о мировой революции, житомирский еврей Яков Гамарник***, в начале двадцатых годов возглавлявший Дальревком, приказал снести дивное произведение скульптурного искусства, исполненное в честь выдающегося государственно-го деятеля.

Вскоре и Хабаровск на амурском берегу воздвиг памятник основателю города Николаю Муравьёву-Амурскому, а потом и Благовещенск, и лишь Иркутск упорно не признает героя России, жившего в Иркутске, и не желает почтить его имя хотя бы скульптурой, что явилась бы взору на излучке улицы Ленина... жаль, что не Муравьёва-Амурского... где ныне каменный зверь-бабр богохульно и глумливо обернулся задранным хвостом на святыню православия Крестовоздвиженскую церковь. И не грех бы край центральной площади переименовать из «площади Сперанского», в «площадь Муравьёва-Амурского», ибо заслуги Сперанского перед Иркутском, да всей Россией, ничтожны в сравнении с великими деяниями Муравьёва-Амурского.

Уповают на сие иркутяне, радеющие о судьбе губернской столицы; им, словно в сонмище нечестивых, тягостно жить на улицах, в районах и предместьях, большевиками «повеличенных» в честь свирепых богоборцев, откровенных сатанилов, маньяков, ненавидящих Православной Царство Русское.

***В 1920 году Яков Гамарник был направлен на Дальний Восток председателем Дальревкома. На Дальнем Востоке большевики были непопулярны: местное население деревнями и сёлами уходило в тайгу либо бежало в Китай. Под командованием Гамарника шёл «отлов» беглецов: в тайге проводились масштабные карательные экспедиции. Особенно преследовались старообрядцы, наотрез отказывавшиеся сотрудничать с советской властью. Гамарник санкционировал расстрелы на месте жителей «беглых» старообрядческих сёл. В конце двадцатых годов был назначен начальником Политуправления РККА, руководя связью между руководством Наркомата обороны и органами госбезопасности. Был в числе руководителей «операции Весна» по убийству военных специалистов царского времени. Яков Гамарник на пару с Тухачевским утверждал списки подлежащих аресту офицеров, коих погибло свыше трёх тысяч.